

I

Первая пуля влетела в открытое окно туалета, где стоял Лука. Поначалу он даже не понял, что случилось, и пуля только чудом не угодила ему промеж глаз. Издав едва слышный гул, она вонзилась в кафельную стену за его спиной. Затем выстрелы обрушились громким потоком, забарабанили стремительно, словно вертолетный винт. Где-то всколыхнулись крики, но голоса быстро потонули в шуме перестрелки. Лука собирался застегнуть ширинку, опустить крышку унитаза, взобраться на нее и посмотреть в окно, найти источник этого ужасного грохота, но не успел: дверь распахнулась, и на пороге возникла Мами.

— *Mijo, ven*¹, — очень тихо произнесла она.

Вцепившись в Луку, она толкнула его в душ. Мальчик споткнулся о кафельную ступеньку и повалился на четвереньки. Когда на него рухнула Мами, от удара он нечаянно прикусил нижнюю губу. Почувствовал вкус крови во рту. Одна темная капля упала на ярко-зеленую плитку и разбилась в крошечный красный круг. Мами пихнула Луку в угол. У душа не было ни занавески, ни двери,

¹ Зд.: Скорей, сынок (*исп.*).

это был просто угол в бабушкиной ванной, отгороженный кафельной стенкой, — пять с половиной футов в высоту, три фута в длину. Если повезет, этого хватит, чтобы спрятать Луку и его мать от вражеских глаз. Мальчик притиснулся спиной к кафелю, прижался плечиками к стене, подтянул к подбородку колени, и Мама накрыла его, словно черепашьим панцирем.

Лука переживал, что дверь в ванную по-прежнему открыта, хоть и не видел ее из-за тела матери и стенки-баррикады. Мальчику хотелось извернуться и слегка толкнуть створку пальцем. Хотелось ее захлопнуть. Он не знал, что мать специально оставила ее открытой. Что закрытая дверь всегда привлекает внимание.

На улице гроыхала перестрелка; вскоре к шуму прибавился резкий запах угля и горелого мяса. Папа готовил на гриле *carne asada*¹ и куриные ножки — любимое блюдо Луки. Ему нравилось, когда кожа самую малость подгорала и звонко хрустела во рту. Мама выгнула шею и заглянула ему в глаза. Потом попыталась закрыть его уши ладонями. Выстрелы постепенно стихали и раздавались лишь короткими очередями после недолгого затишья. Луке казалось, что теперь они повторяют сбивчивый, бешеный ритм его сердцебиения. Между взрывами грохота по-прежнему слышались звуки радио. Женский голос объявил радиостанцию — «Ла мехор 100.1 FM Акапулько», — а потом группа *Banda MS* запела о том, как здорово быть влюбленным. Вдруг кто-то выключил приемник, и раздался смех. Мужские голоса. Двое или трое мужчин, определить точно Лука не мог. Тяжелые шаги в бабушкином дворике.

— Видишь его? — раздался голос прямо под окном.

— Вижу.

— А ребенок?

— Смотри, вон тут какой-то пацан. Не тот?

¹ Жареное мясо (*исп.*).

Двоюродный брат Луки, Адриан. На нем в тот день были бутсы и спортивная футболка с надписью «Эрнандес». Адриан чеканил свой *balón de fútbol*¹ как настоящий футболист — на коленях мог набить сорок семь раз, не останавливаясь.

— Не знаю. По возрасту вроде подходит. Сфоткай его.

— Ого, да тут курица! — раздался еще один голос. — Блин, выглядит отлично. Кто будет?

Мами зажала голову Луки подбородком; в ее тугих объятьях он едва мог пошевелиться.

— Эй ты, *pendejo*², не трогай курицу. Проверь-ка лучше дом.

Сидевшая на корточках Мами резко покачнулась и еще сильнее вдавила Луку в стену. Она вжималась в него всем телом, и они оба слышали, как скрипнула и с грохотом распахнулась задняя дверь. Шаги на кухне. По полу перекатывались пустые гильзы. Мами повернула голову и заметила каплю крови, упавшую с губ Луки на кафельный пол; в лучах света, прорывавшихся через окно, она горела ярко-красным. Мальчик почувствовал, как у матери перехватило дыхание. Теперь в доме было тихо: полы в коридоре, прилегавшем к ванной, были застелены ковром. Лука с ужасом наблюдал за Мами: та натянула край рукава на пальцы и отклонилась в сторону — туда, где на плитке предательски сверкала кровь. Кое-как смахнув пятно рукавом, она вновь прижалась к мальчику — как раз в тот момент, когда один из мужчин толкнул дверь прикладом своего калашникова.

Со двора доносились два голоса, а значит, всего мужчин было трое. Стоя по ту сторону невысокой кафельной стенки, третий расстегнул ширинку и помочился в унитаз. Лука не дышал. Мами не дышала. Они сидели зажмурившись, совершенно неподвижно, и казалось, даже адреналин

¹ Футбольный мяч (*исп.*).

² Придурок (*исп.*).

замер под действием их оцепеневшего отчаяния. Мужчина инкнул, спустил воду, вымыл руки и вытер их о мягкое желтое полотенце, которое *abuela*¹ берегла для гостей.

Потом он вышел, но Лука и Мама не шевельнулись. Они оставались неподвижными даже после того, как на кухне снова скрипнула и хлопнула дверь. Они сидели на полу, переплетаясь в тугий узел рук и ног, коленей и подбородков, стиснутых век и сжатых пальцев, даже после того, как мужчина с автоматом вернулся к своим напарникам и объявил, что в доме все чисто и теперь он будет есть курицу — потому что нельзя просто так бросать хорошую еду, ведь в Африке голодают дети. Мужчина стоял под окнами, и Лука слышал, как тот громко причмокивает языком, обсасывая куриные ножки. Мальчик следил за своим дыханием: вдох-выдох, абсолютно бесшумно. Он пытался убедить себя в том, что это просто сон, очень страшный, но часто повторяющийся сон. Он всегда просыпается — в холодном поту, с приятным чувством облегчения. *Это просто сон.* Таковы детские страшилки в современных мексиканских городах. Ведь даже если родители не говорят при детях о насилии, переключают радиостанцию, когда в новостях сообщают об очередной перестрелке, если они скрывают свои самые кошмарные страхи, они не могут помешать детям общаться с другими детьми. На детской площадке, на футбольном поле, в школьном туалете скапливаются и набухают подробностями жуткие истории. Каждый ребенок, — будь он из богатой семьи, или бедной, или среднего достатка, — видел на улице труп хотя бы однажды. Повседневность убийства. И от других детей они знают, что существует иерархия опасности и что некоторые семьи более беззащитны, чем другие. И хоть родители Луки никогда ни словом не упоминали о какой-либо угрозе и в присутствии сына вели себя с безупречной храбростью, мальчик знал, точно знал, что этот день настанет. Не то чтобы это знание хоть

¹ Бабушка (*исп.*).

как-то смягчило удар. Прошло еще немало времени, прежде чем мать наконец убрала цепкую руку с его затылка и отстранилась настолько, что он смог заметить: лучи солнца, струящиеся через окно, теперь ложатся совсем под другим углом.

Когда кошмар отступил, но твердой уверенности еще не было, промелькнуло мгновение абсолютного блаженства. Наконец-то высвободившись, Лука испытал краткий прилив восторга — просто от того, что он жив. Сперва он наслаждался сбивчивым движением воздуха у себя в груди. Потом положил ладони на пол, чтобы почувствовать кожей холода кафельных плит. С тяжелым вздохом Мами откинулась к стене и подвигала челюстью, отчего на левой щеке у нее обозначилась ямочка. Так странно было видеть здесь, в ванной, ее парадные туфли, которые она обычно надевала в церковь. Лука дотронулся до ранки на губе. Кровь уже успела подсохнуть, но мальчик прикусил ранку передними зубами, и та снова раскрылась. Он понял, что, будь это сон, он не почувствовал бы вкуса крови.

Наконец Мами поднялась на ноги и шепотом велела ему оставаться на месте.

— Сиди тут и не шевелись, пока я за тобой не вернусь. И ни звука, понял?

Лука схватил ее за руку:

— Мами, не уходи!

— *Mijo*, я сейчас вернусь, хорошо? Посиди здесь. — Мами расцепила его пальцы, а потом повторила: — Не шевелись. Молодец.

Вскоре Лука понял, что соблюдать мамины указания не так уж трудно, и не потому, что он такой послушный, а потому, что ему не хочется смотреть. Вся его семья осталась там, в бабушкином дворике. В тот день, седьмого апреля, в субботу, его двоюродная сестра Йенифер праздновала *quinceañera*, свой пятнадцатый день рождения. На ней было длинное белое платье. Там были ее родители, дядя Алекс и тетя Йеми, и младший брат Адриан. Ему уже исполнилось

девять, поэтому он всем говорил, что на год старше Луки, хотя разница между ними была всего четыре месяца.

Перед тем как Лука пошел в туалет, он гонял во дворе мяч вместе с Адрианом и другими двоюродными братьями. Матери сидели за столом на террасе; перед ними на салфетках стояли запотевшие стаканы с коктейлем «Палома». В прошлый раз, когда вся семья собиралась в доме бабушки, Йенифер случайно увидела Луку, когда тот справлял нужду, и теперь ему было так стыдно, что он заставил Мами пойти с ним и караулить под дверью.

Abuela эту идею не одобрила. Она сказала, что Мами слишком нянчится с сыном, что в таком возрасте мальчики могут ходить в туалет самостоятельно. Но Лука был единственным ребенком в семье, поэтому ему многое сходило с рук.

В любом случае теперь Лука сидел в ванной совсем один и пытался отогнать навязчивую мысль: именно эти слова, сказанные с неприкрытым раздражением, стали последними — больше *abuela* и Мами ничего друг другу не скажут. Он помнил, как подбежал к столу и зашептал Мами на ухо; увидев это, *abuela* покачала головой, неодобрительно погрозила им пальцем и сделала замечание. Всякий раз, когда она кого-нибудь ругала, она как-то по-особенному улыбалась. Но Мами всегда принимала сторону Луки. Вот и тогда она закатила глаза и, несмотря на протесты бабушки, отодвинула стул и поднялась. Все это случилось... когда же? Десять минут назад? Или часа два? Временные границы, прежде незыблемые, словно перестали существовать.

За окном послышалась робкая поступь матери; под ее туфлями хрустели какие-то обломки. Она охнула, возможно, всхлипнула, только слишком шумно. Затем звуки участились: Мами решительно пересекла дворик и стала давить на кнопки мобильного телефона. Раздался высокий, сдавленный рык — таким голос матери Лука никогда прежде не слышал.

— Нужна помощь.

2

Когда Мами вернулась, чтобы увести Луку

из душа, тот сидел, сжавшись в тугой комок, и легонько раскачивался из стороны в сторону. Она велела ему встать, но мальчик завертел головой и лишь сильнее обхватил себя руками, в ужасе сопротивляясь. Пока он сидел тут, пряча лицо в темных изгибах локтей, пока он не смотрел на Мами, он мог не знать того, что уже знал. Мог продлить это мгновение нелепой надежды — на то, что хоть какому-то лоскутку прежнего мира удалось уцелеть.

Может, правильнее было бы пойти и посмотреть, увидеть яркие цветные сполохи на белом платье Йенифер, застывший взгляд Адриана, устремленный в небо, копну седых волос бабушки, пропитанных веществом, которому положено аккуратно храниться в плотной коробке черепа. Может, Луке пошло бы на пользу увидеть еще теплые останки отца, металлическую лопатку, погнувшуюся под тяжестью его тела, кровь, растекавшуюся по бетонному покрытию двора. Все равно картины, которые потом нарисует его разгоряченное воображение, окажутся не в пример страшнее реальности, даже самой жуткой.

Когда Лука наконец встал, Мами повела его на улицу через парадную дверь. Трудно сказать, насколько это была хорошая идея. Что бы они предпочли, если бы *sicarios*¹ вдруг надумали вернуться, — стоять на улице у всех на виду или прятаться внутри дома, даже не подозревая об их возвращении? Неразрешимый вопрос. Лука с матерью прошли через ухоженный палисадник и открыли калитку. Усевшись на желтый бордюр, они вытянули ноги на проезжую часть. Противоположная сторона дороги пряталась в тени, но здесь припекало солнце — мальчик чувствовал жар головой. Спустя несколько коротких минут вдаль завыли сирены. Мами, которую звали Лидия, заметила, что у нее стучат зубы. Ей не было холодно. Подмышки у нее намокли, руки покрылись гусиной кожей. Лука подался вперед, и его вырвало. На асфальт между его ног шлепнулся комок картофельного салата, слегка подкрашенный розовым фруктовым пуншем. Они с матерью не стали отсаживаться. Они словно бы вообще ничего не заметили. Не замечали они и того, как задергиваются шторы и занавески в окнах соседних домов: соседи готовились отрицать, что видели хоть что-нибудь.

Лука замечал лишь стены, тянущиеся вдоль улицы, где жила его *abueta*. Он, конечно, видел их и прежде, много-много раз, но теперь обратил внимание на одну особенность: перед каждым домом располагался такой же палисадник, как у бабушки; и каждый двор был спрятан за стеной — такой же, как у бабушки; сверху по каждой стене бежала колючая лента или проволока — такие же, как у бабушки; а попасть внутрь можно было только через запертую калитку — как и у бабушки. Акапулько — опасный город. Жители тут всегда осторожничают, даже в таких приличных районах, как этот. Особенно в таких приличных районах. Но на что годятся все эти меры, когда приходят такие мужчины? Лука

¹ Наемные убийцы (*исп.*).

положил голову на плечо матери, и та обвила его одной рукой. Она не спрашивала сына, как он себя чувствует. Отныне и впредь этот вопрос будет встречать лишь непонимание и боль. Лидия изо всех сил пыталась не думать обо всех словах, которые никогда не произнесут ее губы, о чудовищной пустоте на месте слов, которые она никогда не скажет.

По прибытии полиция перегородила желтой лентой с надписью *escena del crimen* улицу с обоих концов — чтобы перенаправить движение и освободить место для зловещей вереницы специального транспорта. Появилось множество полицейских, проходивших мимо Луки и Лидии с выражением наигранного почтения. Когда рядом возник старший следователь и начал задавать вопросы, Лидия на мгновение замялась, пытаясь сообразить, куда отправить сына. Он слишком мал, чтобы слушать все, что ей нужно сказать. Требовалось передать его на чье-то попечение на несколько минут, чтобы она могла ответить честно на самые ужасные вопросы. Хорошо бы отослать его к отцу. К бабушке. К тете Йеми. Но все они лежали мертвые на заднем дворе — так близко друг к другу, словно фишки домино. Да и вообще — все бессмысленно. Полиция не будет никому помогать. Лидия заплакала. Тогда Лука поднялся с земли и положил холодную руку на затылок матери.

— Дайте ей минутку, — сказал мальчик совсем как взрослый.

Вскоре следователь вернулся вместе с женщиной-судмедэкспертом, которая сразу обратилась к Луке. Приобняв его за плечо, она предложила ему посидеть в фургоне. Сбоку виднелась надпись: *SEMEFEO*¹; задние двери были распахнуты настежь. Мама кивнула, и Лука отправился вместе с женщиной к ее машине. Усевшись, он свесил ноги над задним бампером. Судмедэксперт предложила ему запотевшую банку газировки.

¹ *Servicio Médico Forense*, судебно-медицинская служба (исп.).

Мозг Лидии, до того временно приостановивший работу, теперь справился с потрясением и снова начал соображать — но ворочался медленно, словно ил на дне реки. Она по-прежнему сидела на тротуаре. Следователь стоял рядом, загородив собой машину, в которой сидел ее сын.

— Вы видели стрелявшего? — спросил мужчина.

— Стрелявших, множественное число. Думаю, их было трое.

Хорошо бы следователь чуть отошел в сторону, чтобы ей было видно Луку. Тот находился всего шагах в десяти от нее.

— Вы их видели?

— Нет, но мы их слышали. Мы прятались в душевой. Один из них пришел и помочился в наш туалет, пока мы были рядом. На кране должны быть отпечатки его пальцев. Он мыл там руки. Представляете? — Лидия громко хлопнула в ладоши, словно пытаясь отогнать это воспоминание. — Мы слышали еще как минимум два голоса снаружи.

— Они сказали или сделали что-либо, что могло бы помочь нам установить их личности?

Лидия покачала головой:

— Один ел нашу курицу.

Следователь записал в блокнот слово *pollo*¹.

— А другой спросил: «Видишь его?» — продолжила Лидия.

— Конкретная цель? Они сказали, о ком речь? Назвали его по имени?

— Им не нужно было его называть, я и так знаю. Это мой муж.

Следователь оторвался от своего блокнота и в ожидании посмотрел на Лидию:

— А ваш муж?..

— Себастьян Перес Дельгадо.

¹ Курица (*исп.*).

— Репортер?

Лидия кивнула, и следователь громко присвистнул сквозь зубы.

— Он там?

Она снова кивнула:

— На террасе. С лопаткой. Со знаком.

— Сожалею, сеньора. Я так понимаю, вашему мужу часто угрожали?

— Да, но в последнее время было тихо.

— И в чем конкретно заключались эти угрозы?

— Они требовали, чтобы он прекратил писать про картели.

— Или?..

— Или они убьют всю его семью, — глухо отозвалась Лидия.

Следователь глубоко вздохнул и посмотрел на женщину с выражением, походившим на сочувствие.

— Когда ему угрожали в последний раз? — спросил он.

Лидия снова покачала головой:

— Не знаю. Давно. Этого не должно было случиться. Не должно было случиться.

Мужчина замолчал, сжав губы в тонкую линию.

— Они меня убьют, — выдохнула Лидия и, только когда прозвучали эти слова, осознала, что так, скорее всего, и будет.

Следователь не пытался ей возражать. В отличие от многих своих коллег — он точно не знал, кого именно, да это и неважно — он не работал на картели. Он никому не доверял. На месте преступления сейчас трудились около двадцати пяти полицейских и медработников — отмечали места, где упали гильзы, изучали следы, анализировали пятна крови, фотографировали, проверяли пульс, составляли схемы расположения тел, — и семеро из них регулярно получали деньги от местного картеля. Сумма незаконных платежей в три раза превышала государственную